

Содержание



Действующие лица

9

ЧАСТЬ I

17

ЧАСТЬ II

231

Благодарности

379



Матильда стояла у окна и разглядывала сад. Свой пышный, буйно разросшийся, почти вульгарный сад. Ставший мезью мужу за то, что тот ограничивал ее во всем. Только что рассвело, и лучи солнца робко пробивались сквозь листву. Сквозь крону жакаранды, усыпанной готовыми распуститься лиловыми бутонами. Сквозь ветви старой плакучей ивы и двух деревьев авокадо, отяжелевших от плодов: их никто не ел, они валялись и гнили в траве. В эту пору сад был особенно прекрасен. Наступил апрель 1968 года, и Матильда подумала, что Амин не случайно выбрал этот момент. Несколько дней назад распустились розы, доставленные ей из Марракеша, и сад наполнился их нежным пленительным ароматом. Под деревьями росли плотные кусты агапантуса и георгинов, зеленели упругие подушки лаванды и розмарина. Матильда говорила, что здесь растет все. Эта земля — благословение для цветов.

Скворцы уже всю насвистывали свои песенки, Матильда заметила двух дроздов, которые носились по траве, подскакивая и тыча в землю оранжевыми клювами. У одного из них на голове сверкали белые перышки, и Матильда подумала: интересно, сородичи из-за этого поднимают его на смех или, на-

оборот, больше уважают? “Ничего-то мы не знаем о жизни дроздов”, — рассудила Матильда.

Она услышала шум мотора и голоса работников. На дорожке, ведущей в сад, появилось гигантское желтое чудовище. Сначала Матильда увидела длинную железную руку с огромным механическим ковшом на конце. Агрегат был таким широким, что с трудом проходил между рядами оливок, и работники истошно кричали, направляя водителя, потому что ползущий вперед экскаватор ломал ветки деревьев. Наконец машина остановилась, и снова воцарилось спокойствие.

Сад был ее логовом, ее убежищем, ее гордостью. Она играла там со своими детьми. Они все вместе спали днем под плакучей ивой, устраивали пикники в тени бразильской гевеи. Она научила их искать всякую живность, скрывавшуюся в траве и кустах. Находить сов и летучих мышей, хамелеонов, которых дети сажали в картонные коробки, а потом, спрятав под кровать, забывали про них, и те умирали. Дети выросли, им наскучили их игры и ее нежность, и теперь она приходила сюда, чтобы забыть об одиночестве. Сажала, пересаживала, подрезала, сеяла. Научилась распознавать голоса птиц, поющих в разное время суток. Как могла она нынче мечтать о том, чтобы здесь все перевернули вверх дном? Как могла желать гибели тому, что любила?

Работники вошли в сад и воткнули колышки, обозначив прямоугольник двадцать на пять метров. Они старались ступать как можно осторожнее, чтобы не растоптать ее цветы резиновыми сапогами, и их аккуратность, такая трогательная, но совершенно бесполезная, умилила Матильду. Они подали

знак водителю экскаватора, тот выбросил сигарету в окно кабины и завел мотор. Матильда вздрогнула и закрыла глаза. Когда она их открыла, гигантский металлический ковш уже вгрызлся в землю. Чудовищная клешня погружалась в черную почву, испускавшую густой запах мха и перегноя. Огромная лапища безжалостно выдирала все на своем пути, и вскоре рядом с ямой образовался высокий холм из земли и камней, усыпанный безжизненными деревцами и цветами с оторванными головками.

Железная рука — это рука Амина. Так думала Матильда в то нескончаемое утро, неподвижно стоя у окна гостиной. Она удивилась, отчего муж не пожелал лично присутствовать и смотреть, как будут одно за другим погибать цветы и деревья. Он заявил, что котлован можно выкопать только здесь, и более нигде. Что вырыть его следует чуть ниже дома, на самом солнечном участке. Да, как раз там, где растет сирень. Там, где когда-то рос “апельмон”¹.

1 “Апельмоном” дочь Амина и Матильды Аиша в детстве называла апельсиновое дерево, к которому Амин привил ветку лимона. См. первую книгу трилогии “Рождество под кипарисами”.



Сначала он отказался наотрез. Денег у них на это нет, и точка. К тому же вода здесь на вес золота, и нечего тратить ее попусту, ради забавы. Он сердито прорычал это “нет”, ему претила идея устраивать непристойное зрелище на глазах у нищих крестьян. Что они подумают о том, какое воспитание он дает сыну и какие вольности позволяет собственной жене, когда увидят, что она, полуголая, плещется в бассейне? Чем он в таком случае лучше бывших французских поселенцев и морально прогневших буржуа, которые наводнили страну и бесстыдно выставляют напоказ свое благосостояние?

Однако Матильда не сдавалась. Она отметала все его возражения. Год за годом гнула свою линию. Каждое лето, когда начинал дуть пустынный шерги и от невыносимой жары расходились нервы, она, к крайней досаде мужа, вновь заводила разговор о бассейне. Она считала, что Амин просто ее не понимает, потому что не умеет плавать и боится воды. Она ластилась к нему, ворковала, умоляла. Разве это стыдно — демонстрировать свою успешность? Они не делали ничего плохого и имеют право наслаждаться жизнью, ведь их лучшие годы потрачены на войну, а потом на освоение этой земли. Она хо-

чет бассейн: он станет компенсацией за ее самопожертвование, за одиночество и утраченную молодость. Теперь им обоим за сорок, и они никому ничего не должны доказывать. У всех их соседей-фермеров, по крайней мере у тех, кто придерживается современных взглядов, есть бассейны. Или он предпочитает, чтобы его жена привлекала к себе всеобщее внимание, посещая муниципальный бассейн?

Она льстила ему. Восхищалась его успехами в выведении новых сортов оливок и экспорте цитрусовых. Она думала, что, если придет и встанет перед ним вот такая — с розовыми пылающими щеками, с прилипшими к потным вискам волосами, с венозной сеточкой на ногах, — то сумеет его уговорить. Она напомнила ему, что всем, чего они добились, они обязаны своему труду, своему упорству. Он поправил ее:

— Работал-то я. И мне решать, как распорядиться деньгами.

Когда он произнес эти слова, Матильда не расплакалась, не разозлилась. Усмехнулась про себя, подумав о том, как много она сделала для мужа, для фермы, для работников, которых лечила. Вспомнила, сколько времени отняли у нее воспитание детей, поездки с ними на уроки танцев и музыки, проверка домашних заданий. Несколько лет назад Амин поручил ей вести бухгалтерию фермы. Она составляла счета, выдавала зарплату, рассчитывалась с поставщиками. А иногда — да, порой и такое случалось — оформляла поддельные счета. Вносила изменения в какую-нибудь строчку, вписывала несуществующего работника или дополнительный заказ. И складывала пачки купюр, стянутые бежевой резинкой,

в ящик стола, ключ от которого имелся только у нее. Она делала это так давно, что уже не испытывала стыда и не боялась, что ее секрет раскроют. Сумма росла, и она полагала, что вполне заслуженно удерживает эти деньги как пошлину, хоть отчасти компенсирующую ее унижение. Что имеет право на эту маленькую месть.

Матильда постарела и, наверное, по его вине — да, именно по его вине — выглядела старше своих лет. Кожа на лице, постоянно страдавшая от солнца и ветра, загрубела. На лбу и в уголках глаз залегли морщины. Даже зеленые глаза потускнели, как будто выгорели, словно поношенное платье. Она потолстела. Однажды в знойный день она, чтобы подразнить мужа, схватила садовый шланг и на виду у служанки и работников окатила себя водой с головы до ног. Одежда облепила тело, стали видны затвердевшие от холода соски и густая поросль на лобке. В тот день работники, проводя языком по почерневшим зубам, молили Всевышнего, чтобы Амин не потерял рассудок. Почему она такое вытворяет? Она ведь взрослая женщина! Да, действительно, детей в жару иногда поливают водой, если они перегрелись на жгучем солнце и вот-вот потеряют сознание или начинают бредить. Обычно им велят зажать нос и закрыть рот, потому что от воды из колодца можно заболеть и даже умереть. Матильда была как ребенок и, как все дети, умела без устали ныть и кланчить. Она напоминала Амину, как они когда-то были счастливы, как отдыхали на море, в домике Драгана в Мехдии. Кстати, заметила она, Драган устроил бассейн у своего городского дома:

— Почему у Коринны есть то, чего нет у меня?

Она внушила себе, что именно этот довод заставил Амина сдаться. Она произнесла эту фразу жестко и уверенно, тоном опытного шантажиста. Матильда полагала, что в 1967 году у Амина с Коринной была связь и длилась она несколько месяцев. Матильда была в этом уверена, несмотря на то что ни разу не нашла никаких доказательств, кроме незнакомого запаха и следа от помады на его рубашках — гадких, пошлых улик, на которые нежданно-негаданно натываются жены. Нет, у нее не было доказательств, но это бросалось в глаза, как будто между этой парочкой догорало невидимое пламя и вскоре ему предстояло погаснуть, а пока что приходилось терпеть его жар. Однажды Матильда довольно неуклюже попыталась посвятить в эту историю Драгана. Но доктор как истинный философ стал с течением времени еще более снисходительным и сделал вид, будто ничего не понял. Он не пожелал опускаться до мелочности и в союзе с пылающей гневом Матильдой вести войну, которую считал бесполезной. Матильда так и не узнала, сколько времени Амин провел в объятиях Коринны. Как не узнала и о том, была ли между ним и этой женщиной любовь, говорили ли они друг другу нежные слова, или, наоборот — что было бы еще хуже, — ими владела молчаливая плотская страсть.

С возрастом Амин стал еще красивее. Виски его побелели, он отпустил тонкие усики, черные с легкой проседью, и стал походить на Омара Шарифа. Он носил темные очки, словно кинозвезда, и почти никогда их не снимал. Но не только смуглое лицо, волевой подбородок, скупая улыбка, открывавшая белоснежные зубы, — не только это делало

его таким красивым. С годами он стал выглядеть еще более мужественно. В его движениях появилось больше свободы, в голосе — больше глубины. Теперь его скованность принимали за сдержанность, суровость придавала ему сходство с диким зверем, который вроде бы безучастно лежит на песке, а сам готов одним прыжком сбить с ног свою жертву. Он не вполне понимал, насколько велика его привлекательность, и осознал ее постепенно, по мере того как она набирала силу как будто помимо его воли, как будто существовала отдельно от него. Он держался так, словно сам себе удивляется, и в этом, скорее всего, заключался его успех у женщин.

Амин обрел уверенность в себе, разбогател. Отныне его уже не мучила бессонница, он не смотрел долгими ночами в потолок, подсчитывая свои долги. Ему больше не мерещилось, что он на грани разорения, что дети его пойдут по миру, а семья будет опозорена. Амин просто спал. Кошмары теперь его не посещали, он стал уважаемым человеком в городе. С некоторых пор их с Матильдой приглашали на все приемы, с ними жаждали познакомиться, жаждали бывать у них в гостях. В 1965 году им предложили вступить в местный Ротари-клуб, и Матильде стало известно, что случилось это вовсе не благодаря ей, а благодаря ее мужу и что этому поспособствовали жены членов клуба. Молчаливого Амина окружали нежной заботой. Женщины приглашали его танцевать, прижимались щечкой к его щеке, клали его ладонь себе на бедро, и хотя он не умел связать двух слов и был не особенно ловким танцором, ему порой казалось, что для него вполне возможна такая жизнь — легкая, как шампанское, которым пахли

губы этих женщин. Бывая на этих приемах, Матильда ненавидела себя. Ей казалось, что она слишком много говорит, слишком много пьет, а потом еще долго, по нескольку дней, ее мучил стыд за свое поведение. Она воображала, будто ее осуждают, считают дурой и пустышкой, презируют за то, что она смотрит сквозь пальцы на измены мужа.

Конечно же, члены клуба настойчиво приглашали Амина присоединиться к ним, проявляли к нему доброжелательность и внимание в первую очередь потому, что он был марокканцем, а ротарианцы, принимая в свои ряды арабов, хотели показать, что эпоха колониализма, эпоха двух параллельных миров, наконец закончилась. Многие из них, разумеется, уехали из страны осенью 1956 года, когда разъяренная толпа выплеснулась на улицы и дала волю кровавому безумию. Был сожжен кирпичный завод, людей убивали прямо на улицах, и иностранцы поняли, что отныне они здесь чужие. Некоторые сразу собрали чемоданы и уехали, покинув квартиры, где мебель покрывалась пылью, прежде чем их выкупали марокканские семьи. Собственники расставались со своими владениями и плодами многолетнего труда, бремя которого когда-то на себя взвалили. Амин гадал, кто эти люди, решившие вернуться домой, — трусы или провидцы? Однако эта волна отъездов была лишь недолгим отступлением от основной темы. Восстановлением равновесия, перед тем как вернуть жизнь в нормальное русло. Прошло десять лет после провозглашения независимости, и Матильда вынуждена была признать, что в Мекнесе мало что изменилось. Никто не знал новых, арабских, названий улиц, все по-прежнему

назначали встречи на улице Поля Думера или улице Ренн, напротив аптеки месье Андре. Сидел на прежнем месте нотариус, остались галантерея с ее прежней хозяйкой, парикмахер со своей женой, дантист, врачи, а на авеню Республики — все тот же модный магазин готового платья с теми же владельцами. Все хотели, как и раньше, наслаждаться жизнью в этом прелестном цветущем городе, только стараясь соблюдать приличия и проявляя чуть больше осмотрительности. Нет, не было никакой революции, всего лишь немного изменилась атмосфера, все стало сдержаннее, создавалась видимость согласия и равенства. Во время ужинов в Ротари-клубе, где за столиками сидели вместе марокканские буржуа и европейцы, могло показаться, что колонизация — всего лишь досадное недоразумение, ошибка, в которой французы раскаиваются, а марокканцы делают вид, будто о ней не помнят. Некоторые настойчиво твердили, что никогда не были расистами и вся эта история их страшно смущает. Они клялись, что теперь, когда город избавился от этой заразы, у них словно камень с души свалился, все окончательно прояснилось и они тоже могут вздохнуть свободно. Иностранцы тщательно подбирали слова. Они решили не уезжать, потому что не хотят разорения страны, ведь она нуждается в них. Конечно, наступит день, когда аптекарями, дантистами, врачами и нотариусами станут марокканцы, и тогда европейцы охотно уступят им место и уедут. А до тех пор они останутся здесь и постараются быть полезными. К тому же они не так уж отличались от марокканцев, сидевших с ними за одним столиком. От элегантных раскованных мужчин, полковников и чи-

новников высокого ранга, чьи жены носили европейские наряды и короткие стрижки. Нет, те точно так же, как французские буржуа, без всякой задней мысли, не испытывая чувства вины, позволяли бо-соногим детишкам таскать за ними покупки на центральном рынке. Отмахивались от просящих подающие нищих, “потому что они, как собаки, кормящиеся объедками со стола, привыкают к подачкам и постепенно теряют охоту преодолевать свою лень и работать”. Французы никогда не посмели бы заявить, что склонность простых людей жаловаться и попрошайничать кажется им обременительной. Французы никогда не посмели бы, в отличие от марокканцев, обвинять горничных в склонности к воровству, садовников — в лени, а всех бедняков поголовно — в отсталости. Когда их мекнесские друзья горько сетовали на то, что почти невозможно построить современное государство с таким малограмотным народом, французы только неестественно громко смеялись. Эти марокканцы по сути были такими же, как они. Говорили на том же языке, точно так же смотрели на мир, и трудно было себе представить, что когда-нибудь они могли бы оказаться в разных лагерях и стать врагами.

Амин поначалу держался настороженно.

— Быстро же они переобулись, — говорил он Матильде. — Давно ли я был для них крысенышем¹, арабским отродьем? А теперь так и стелются передо мной: “Месье Бельхадж то, месье Бельхадж сё...”

Однажды вечером, во время ужина с танцами в одном загородном поместье, Матильда убеди-

¹ Французы презрительно называли североафриканцев крысами (*les rats*).

Смотрите, как мы танцуем

лась в его правоте. Моник, жена парикмахера, перебрала спиртного, и посреди разговора у нее вырвалось слово “бико”¹. Она прикрыла руками рот, как будто хотела запихнуть обратно вылетевшее из него оскорбительное выражение, испуганно ойкнула, вытаращив глаза и густо покраснев. Никто кроме Матильды ее не слышал, но Моник еще долго рассыпалась в извинениях. Она твердила:

— Поверь, я совсем не то хотела сказать. Не знаю, что на меня нашло.

¹ *Бико* (от *arabicot жарг., франц.*) — расистское прозвище арабов, жителей Магриба.